

Научная статья
УДК 930.2(47):365
<https://doi.org/10.24158/fik.2021.5.13>

Жилищный вопрос в Советской России в 1920-е гг. в отражении периодической печати

Юлия Андреевна Микуленок

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия, Краснодар, Россия, ak-bara@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4231-3016>

Аннотация. В статье исследуется освещение жилищного вопроса на страницах периодической печати в 20-е гг. XX в. После прихода советской власти нерешенные царским правительством жилищные проблемы только обострились. Объективные и субъективные причины привели к жилищному голоду. Данная тематика довольно часто освещалась как центральными газетами, так и местными. В периодической печати рассматривались причины жилищного голода, роль так называемых «бывших» в жилищной ситуации 1920-х гг., пути решения жилищного вопроса, жилищные конфликты, а также приводились статистические данные (количество свободной и занятой жилой площади, темпы жилищного строительства, строительный бюджет и т. д.). На страницах сатирических изданий высмеивались жилищные пороки: фиктивные браки и родственники, дача взяток, незаконная продажа квадратных метров.

Ключевые слова: жилищный вопрос, Советская Россия, жилищные конфликты, причины жилищного кризиса, жилье, периодическая печать

Для цитирования: Микуленок Ю.А. Жилищный вопрос в Советской России в 1920-е гг. в отражении периодической печати // Общество: философия, история, культура. 2021. № 5. С. 93–98. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.5.13>

Original article

Housing issue in Soviet Russia in periodical press in the 1920s

Yulia A. Mikulenok

North Caucasus branch of Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia, ak-bara@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4231-3016>

Abstract. The article considers the housing issue on the pages of periodical press in the 20s of the XX century. After coming of the Soviet Regime, the unresolved housing problems of the tsarist government only worsened. The objective and subjective reasons led to “housing starvation”. This problem was quite often covered by both central and local newspapers. The periodicals studied the causes of the housing famine, the role of the so-called “exes” in the housing situation of the 1920s, ways to solve the housing problem, housing conflicts, and also provided statistical data (the amount of free and occupied living space, the pace of housing construction, the construction budget, etc.). Housing evils such as fictitious marriages and relatives, giving bribes, illegal sale of square meters were ridiculed on the pages of satirical publications.

Keywords: housing issue, Soviet Russia, housing conflicts, causes of housing crisis, housing, periodicals

For citation: Mikulenok Yu.A. Housing issue in Soviet Russia in periodical press in the 1920s // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 5. P. 93–98. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.5.13>

Первое десятилетие после Октябрьской революции – это период острого жилищного кризиса, затронувшего всю территорию Советской России. Проблемы, которые накапливались в до-революционный период, обострились с приходом советской власти. Нами неоднократно рассматривались жилищный вопрос и подходы к его решению советской властью в период НЭПа: новая жилищная политика, причины жилищного кризиса, жилищные конфликты и т. д. [1], поэтому в рамках данного исследования мы не будем заострять внимание на этих аспектах. Цель работы – проанализировать освещение жилищного вопроса в периодических изданиях. Источниками для написания статьи послужили публикации периода НЭПа. Периодическая печать является одним из источников, дающим сведения о повседневной жизни обывателя, в частности жилищном вопросе, отражающем социальную реальность. Хотя, работая с подобными источниками, следует учитывать идеологический и цензурный факторы. Часто на страницах периодических изданий

поднимались проблемы, которые волновали советских граждан, что находит подтверждение и в архивных документах: несправедливое, с точки зрения обывателя, распределение квадратных метров, злоупотребления «бывших людей» и председателей ЖАКТов, жилищные пороки. Методологическую основу исследования составили принципы историзма, объективизма и системности, а также методы сбора и анализа эмпирических данных.

НЭП – сложный период трансформации и становления советского общества. Это время динамичных и масштабных социальных изменений и одновременно этап обострения ряда социально-экономических проблем, в том числе жилищных.

Жилищный вопрос становится одной из главных тем советской периодики 1920-х гг., которая не только знакомила обывателя с новым жилищным законодательством (Инструкцией НКВД по применению постановления ВЦИК № 476 от 15 октября 1924 г., Инструкцией СНК РСФСР о праве пользования дополнительной жилой площадью от 29 сентября 1924 г., Инструкцией об установлении и порядке исчисления квартирной платы в г. Москве с 1 октября 1926 г.; Постановлением ВЦИК и СНК об условиях и порядке административного выселения граждан из занимаемых ими помещений от 14 июня 1926 г.), но и старалась рассмотреть его «вширь и вглубь». Анализируя материалы, можно выделить несколько проблемных блоков, освещаемых в периодической печати: распределение жилой площади, жилищные пороки, злоупотребления и конфликты.

На страницах периодики («Жилищное товарищество», «Красное знамя», «Известия ВЦИК», «Московская жизнь», «Рабочая Москва» и др.) советские теоретики и партийные лидеры неоднократно поднимали вопрос о причинах жилищного кризиса и искали пути его решения. Основными причинами жилищного голода в 1920-е гг. были особенности расширения городов, возрастание урбанизации, высокий прирост населения, последствия Гражданской войны, полное прекращение жилищного строительства и капитального восстановления домовладений с 1914 г., новая жилищная политика советской власти, превращение жилых зданий в нежилые, недостаточное финансирование рассматриваемой сферы и незаинтересованность жильцов в поддержании занимаемых ими помещений вследствие широкого применения практики выселения и «ущемления» [2, с. 3].

В 1920-х гг. начался стремительный процесс урбанизации, вызванный революционным разрушением крестьянской общины, усилившейся индустриализацией страны, коллективизацией сельского хозяйства и политикой раскулачивания. Массовая миграция сельских жителей в город в поисках работы и лучшей жизни, особенно заметно наблюдаемая среди молодежи, привела к перенаселению городов, которые были не готовы принять быстро увеличивающееся население. В начале XX в. в силу обозначенных причин жилая площадь в Советской России сократилась. Так, в 1918 г. в Москве насчитывалось 27 872 домовладения, а в 1921-м – 24 490, при этом 37 % из них были непригодными для жилья. Только 3 391 домовладение было вполне исправно, т. е. с действующими водопроводом, отоплением и канализацией. Часть зданий была разрушена в результате пожаров в 1921 г. зарегистрировано 1 719 возгораний), часть – от неподдержания их своевременным ремонтом и разборки их на топливо [3, с. 3]. С переездом центральной власти в столицу эта площадь еще больше уменьшилась: значительная часть жилой площади, 128 000 м², была выделена для госучреждений. Население Москвы не было удовлетворено даже минимальной «гробовой» нормой в 7 м² на человека [4, с. 3]. В Ростове-на-Дону общая жилплощадь с 1914 по 1924 г. сократилась на 8 % [5].

В 1929 г. в Воронеже 308 человек, которые имели право на предоставление жилой площади в первую очередь, нуждались в квартирах, из них 100 работников областных и окружных учреждений, переброшенных сюда из других городов, и 114 демобилизованных. Остальные нуждались в квартирах ввиду того, что дома, где они жили, были признаны непригодными для проживания. Большинство нуждающихся ждали своей очереди 3–4 месяца, а некоторые – с июня 1928 г. Часть нуждающихся в квартирах, около 70 человек, жили в гостиницах, около 30–40 красноармейцев были размещены в общежитии ночлежного дома им. М. Горького. Остальные находились у знакомых, родственников, иногда целыми семьями ютились в проходных комнатах [6, с. 4].

Значительная часть населения проживала в коммунальных квартирах, муниципализированных домовладениях, общежитиях или бараках. Лишь партийная и научная элита могла позволить себе отдельные квартиры [7, с. 58]. В целом по стране в 1920-е гг. только 13,5 % обывателей имело жилую площадь, соответствующую санитарным нормам [8]. Чтобы удовлетворить жилищную нужду, только в Москве требовалось ежегодно затрачивать свыше 100 млн золотых рублей на жилищное строительство и 105 млн – на ремонт [9, с. 3]. Для того чтобы предохранить жилье от дальнейшего разрушения, по всей стране было необходимо затратить 200–250 млн золотых рублей [10, с. 40]. В переходный период строительства нового государства, которое еще не оправилось от последних двух революций, Гражданской войны, участия в Первой мировой войне, интервенции, возможность выделения таких сумм отсутствовала.

В периодических изданиях наряду с объективными причинами жилищного кризиса говорилось и о роли «бывших» в возрастании жилищного голода: «Тихо и неслышно, как-то бочком пробрался и уютно расположился в лучших жилищах Питера нэпман, а любая пролетарская семья, как и в старые времена, ютится в подвальных этажах» [11, с. 2]; «жилколлективы выживают рабочих, чтобы вселить нэпманов» [12, с. 1]; «жилищный кризис бьет более всего по рабочему люду, мыкающемуся по сырым, полутемным каморкам. Как только был объявлен НЭП, в г. Краснодаре начали, как грибы после дождя, вырастать различные “жилищные товарищества”... в них пробрались спекулятивные элементы» [13, с. 1]. Периодическая печать формировала определенную социально-политическую конъюнктуру антагонизма, сформированную в рамках классового подхода: «бывшие» и пролетариат. Не имея возможности решить жилищный кризис в интересах трудящихся, советская власть пыталась обвинить «бывших» в невозможности на данный момент решить жилищный вопрос. Этим власть, с одной стороны, оправдывала себя, с другой – внедряла в массы новую идеологию классового господства и необходимости борьбы с нэпманами.

После Октябрьской революции, стараясь разрешить жилищный вопрос, советская власть взяла курс на новую жилищную политику. В декабре 1917 г. были запрещены все сделки с недвижимостью, в августе 1918 г. – ликвидирована частная собственность на недвижимое имущество в городах, что давало местным властям право конфисковывать жилые здания. Однако в период НЭПа начинает возрождаться частная собственность на дома, которая, впрочем, также находилась под контролем городских властей [14, с. 118]. Анализ текстовых материалов периодической печати показал, что в условиях жилищного голода в 1920-е гг. процветали незаконные сделки с недвижимостью, которые стали бытовым явлением: «В Москве участились случаи торговли комнатами. Многие граждане продают комнаты в 4–5 кв. саж. за 800–1 000 р., не уведомляя об этом домоуправление» [15].

В нарсудах постоянно слушались дела о незаконных продажах и других махинациях с жильем. Так, некая гражданка, занимавшая квартиру из трех комнат с семьей, осенью 1922 г. впустила к себе жильцов, предоставив им одну из занимаемых комнат.

«– Когда я впустила их в комнату, – рассказывает истица, – они обещали отапливать всю квартиру. Как настала зима, они поставили железную печку только к себе и отапливали только свою комнату. И мне пришлось самой топить! Да к тому же мне тесно жить в двух комнатах.

– Так чего же вы их впустили?

– Они обещали весной выехать, но обманули, не выехали.

– Она продала мне комнату, – сообщает суду ответчик, – я ей 800 млн в сентябре прошлого года уплатил и никаких обязательств ни об отоплении, ни о выезде не давал» [16, с. 7].

Советская власть разработала систему пользования жилой площадью: введены дифференцированная норма распределения квадратных метров, правила вселения и пользования жилой площадью, наследования и т. д., на которые обыватель не обращал внимание, нарушая их.

Вскоре после принятия декрета «Об отмене прав частной собственности на недвижимость в городах» власть стала проводить политику «выселения» и «ущемления» [17, с. 13]. По всей стране началось выселение «бывших» и переселение в их квартиры партийной элиты и рабочих. При уплотнении гражданам давалось две недели, чтобы подыскать себе «соседителя» (соседа по комнате) [18, с. 18]. В случае, если в этот срок квартира не была уплотнена, жилищные отделы производили принудительное уплотнение. Данной мере подвергались все более или менее зажиточные слои – и средний класс, и интеллигенция, и «бывшие», хотя стоит заметить, что подобная политика не обошлась и без злоупотреблений. Проанализированные архивные документы центральных и региональных архивов позволили сделать вывод, что основная масса заявлений – это жалобы на незаконное уплотнение, выселение и злоупотребления (нередко пустующие комнаты доставались родственникам членов партийной номенклатуры или «бывшим»), что неоднократно освещалось в периодической печати.

Отчетливо понимая, что с рабочим классом им не ужиться, «бывшие» нашли выход из положения. В крупных городах стали процветать махинации с жильем: фиктивные браки, разводы, сдача угла или части комнаты внаем «родственникам» или «друзьям» [19, с. 59]. Данные практики высмеивались на страницах популярного журнала «Крокодил». В сатирической форме издание обнажало негативные и злободневные темы советской действительности. Практически в каждом номере за 1920-е гг. появлялись статьи, повествующие о жилищных пороках: фиктивных браках, незаконной продаже квартир, «самоуплотнении» и др. [20, с. 14]:

За комнатой я всюду
Порхал дней сорок птахой.
Но комнат нет здесь люду!
И я послал за... свахой.
– Бездомен, точно лань, я! –
Вздыхал и хныкал вместе. –
Жени ж меня, Маланья,

Невеста в девять сажен,
С парадной и с ванной!
Возьми Агафью в жены:
Не блещет красотой,
Да девка-то с балконом
И с газовой плитой!
И эта не годится?

На комнатной невесте!
– Что ж, можно! Есть Матрешка, –
Ласкала сваха речью, –
Невеста в три окошка
И с кафельною печью!
Не хуже и Палаша.
Хушь и прослыла дурой,
Зато невеста наша
С большою кубатурой!
А не по нраву эта,
Возьми тогда Лукерью:
Девушка в два паркета,
К тому ж с отдельной дверью.
Не хочешь? Ишь, как важен!
Тогда венчайся с Анной:

Так Таня будет ладной:
С листричеством девица
И с лестницей парадной!
А Груня? Лучше треста!
Женись на ней с резонтом:
В три комнаты невеста,
Но с маленьким ремонтом.
Еще есть две. С почтеньем
Хвалю пред всем народом:
Девушка – с отопленьем,
Вдова – с водопроводом!
Нет, братцы, не годится!
Позор тем бракам странным –
На комнате жениться
И взять жену... приданым!!!

В журнале за 1923 г. была помещена статья Свэна «Руководство по борьбе с уплотнением», которая ярко иллюстрирует жилищные махинации некоторых предприимчивых членов жилищных товариществ, помогающие избежать не только принудительного и нежелательного уплотнения, но сохранить «свою» жилую площадь независимо от установленных норм: «В один прекрасный день вас будоражит резкий звонок в парадном. <...> На лестнице вас ждет молодой человек и председатель правления.

– Из РУНИ, – виновато говорит последний.

Вы обрадованно лезете за бумажником и спрашиваете молодого человека:

– Я вам, кажется, должен?

Инспектор делает обиженное лицо, говорит что-то нехорошее, смутно напоминающее «сволочь» и, достав бумажку, с полчаса занимается арифметикой.

– 16 плюс 16 и еще раз 16, – деловито считает он, – итого у вас 150 лишних квадратных аршин.

– Что? – иронически улыбаетесь вы. – Мы и так как сельди в бочке набиты. Давайте проверим. Вот видите... – показываете вы инспектору вашу столовую, – это кухня и в площадь засчитываться не может.

– Как кухня, – недоумевает молодой человек.

– А так, – ссылаетесь вы на маленькую печурку, – мы на ней готовим. А это передняя, тоже не засчитывается, – убеждаете вы инспектора, войдя в гостиную, – ведь вот, даже пальто висит.

Окончательная победа достается вам в спальне, когда, достав из-под кровати небольшой круглый сосуд, вы тычете его прямо в нос молодому человеку.

– А это что, не уборная? – возмущенно кричите вы. – Может, и ее засчитаете в жилую площадь?

Сконфуженный инспектор составляет акт о необходимости переселения вас в большую квартиру, но вы великодушно отказываетесь.

Через две недели заявляется новый инспектор.

– Я от МУНИ (Московское управление недвижимых имуществ – Ю.М.), – угрюмо говорит он, – акт предыдущего инспектора не утвержден.

Новый инспектор производит новый обмер и находит двести лишних квадратов.

– Ну что ж, – спокойно подтверждаете вы. – А знает ли МУНИ, сколько здесь человек?

И вы начинаете пересчитывать изумленному инспектору всех давно умерших родственников вашей первой жены.

– Веря! – кричите вы в соседнюю комнату. – Ты не помнишь, кого мы еще прописали в прошлом году?

Председатель правления услужливо раскрывает домовую книгу. Четыре страницы заполнены исключительно жильцами вашей квартиры.

– Да, обремененного многочисленным семейством ответственного работника, – добываете вы подавленного представителя МУНИ, – можно уплотнять, а рядом у Власова три человека в огромной комнате...

Смущенный инспектор отправляется к рабочему Власову, ютящемуся с семьей в полуподвальной каморке, и в ярости вселяет ему двух бездомных студентов» [21, с. 534].

Данный эпизод показывает психоэмоциональное состояние и менталитет обывателя: любыми средствами сохранить свое привилегированное положение, не чураясь при этом никаких методов. Не желая жить в одной комнате с незнакомыми людьми, потенциальные жертвы уплотнения усиленно искали себе квартирантов, с которыми им будет в эмоциональном и культурном плане комфортно вместе жить. Это явление получило название «самоуплотнение». В будущем такая практика послужила причиной частых конфликтов – расчетливые «родственники» не хотели съезжать с обжитой жилплощади.

Острота жилищного вопроса спровоцировала увеличение количества конфликтов, которые зачастую решались в судебном порядке. В периодической печати даже появилась специальная рубрика «По народным судам», где нередко освещались жилищные тяжбы. Как правило, конфликты возникали из-за жилой площади, повышения квартирной платы, мест общего пользования и психоэмоциональной несовместимости «бывших» и городских обывателей. Последние противоречия часто фигурировали в периодической печати и частных жалобах «во власть»: «Семья из 3 человек – муж, жена и взрослый сын – занимала две комнаты. Одна из них – площадью в 25 кв. арш., другая – 20 кв. арш. Стало быть, каждый обитатель этой квартиры занимал площадь ниже установленной нормы.

Но, несмотря на это, арендатор дома нашел возможность сдать одну из этих комнат на учет в счет 10 % нормы.

– Ничего, потеснитесь немного, – хладнокровно ответил он на законные протесты жильцов, – есть люди, которые еще теснее живут.

РУНИ выдал ордер на одну комнату рабочему, и последний вселился в квартиру.

Жильцы квартиры подали в Народный суд иск к арендатору дома за неправильную сдачу комнаты в счет 10 % нормы и к новому жильцу о выселении.

– Как же вы это сдаете на учет комнату, когда в этой квартире не только нет излишков площади, но она даже не достигает нормы? – спрашивает судья арендатора.

– А мне-то какое дело... Мое дело маленькое – сказано сдать комнату в счет 10 % нормы, я и сдал. Им хватит и одной комнаты.

– Но они имеют право на площадь обеих комнат.

– А мне-то сдавать комнату на учет надо было? Не из своей же квартиры сдавать. Это мой дом. И я теперь его арендую» [22, с. 6].

Поводом к конфликтам становились и злоупотребления членов правления ЖАКТов: «Председатель правл<ения> ОИКО гр. Иваницкий очень увлечен своим положением преда. Он, не считаясь с интересами жильцов дома по Вокзальной, 24, запирает калитку» [23, л. 6]; «Вышеуказанная гражданка без ведома ЖАКТа закрыла освободившуюся квартиру по Пролетарской, 15/2, занимаемую ранее членом ЖАКТа Дерим-Оглы, своим замком и самовольно пыталась вселиться» [24, л. 91]. Недовольство жильцов вызывала власть председателей жилищных товариществ, которые, используя угрозы, вселяли «нужных» людей и выселяли неуживчивых соседей [25, л. 143].

На страницах периодических изданий можно обнаружить ценные нарративные источники, позволяющие реконструировать повседневные практики обывателя в период НЭПа. Периодическая печать старалась рассмотреть жилищный вопрос с различных ракурсов, публикуя не только законодательные акты, статистические данные и отчеты государственных органов, но и освещая жилищные проблемы, с которыми непосредственно соприкасался человек, что подтверждается и многочисленными архивными документами. Сатирические журналы позволяют выявить жилищные пороки в условиях нерешенных вопросов.

Список источников:

1. Микуленок Ю.А.: 1) Жилищные конфликты и эмоциональный мир обывателя в 1920-е гг. (на примере Юга России) // Общество: философия, история, культура. 2017. № 5. С. 75–78. <https://doi.org/10.24158/fik.2017.5.18>; 2) Жилищный вопрос в раннесоветский период в письмах студентов «во власть» // Там же. 2019. № 7 (63). С. 67–71. <https://doi.org/10.24158/fik.2019.7.12>; 3) Причины жилищного кризиса в городах в первое десятилетие после установления советской власти // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2018. № 2. С. 105–110; и др.
2. Сопетников М. Жилищный вопрос (материалы к докладу Пленуму Московского совета 21 февраля) // Рабочая Москва. 1923. № 9. С. 3.
3. Там же.
4. Попов Н. Жилищный вопрос в Москве // Там же. № 23. С. 3.
5. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-1185. Оп. 1. Д. 79. Л. 116.
6. Как разрешить жилищный кризис // Коммуналка. 1929. № 3. С. 4.
7. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг.: город / пер. с англ. Л.Ю. Панфиной. М., 2001. 336 с.
8. Sosnovy T. The Soviet Urban Housing Problem // American Slavic and East European Review. Vol. 11, no. 4. P. 288–303. <https://doi.org/10.2307/2492010>.
9. Попов Н. Указ. соч. С. 3.
10. Кожаный Е. Борьба за новое жилище и за новый быт // Коммунистка. 1925. № 5. С. 39–44.
11. Валиевский Н. Борьба за жилище (письмо из Петрограда) // Красное знамя. 1923. № 7. С. 1–2.
12. Жилищный вопрос // Красное знамя. 1923. № 161. С. 1.
13. С. Кр. Где же выход? (К жилищному вопросу) // Там же. № 184. С. 1.
14. Орлов И.Б. Советская повседневность. Исторический и социологический аспекты становления. М., 2010. 317 с.
15. О продаже комнат // Жилищное строительство. 1926. № 3–4. С. 32–33.
16. По народным судам. Кусочки быта // Известия ВЦИК. 1923. № 262. С. 7.
17. Орлов И.Б. Указ. соч. С. 13.
18. Там же. С. 18.
19. Фицпатрик Ш. Указ. соч. С. 59.
20. Красное Жало. Жилсватовство // Крокодил. 1924. № 1. С. 14.
21. Свэн. Руководство по борьбе с уплотнением (для совнэпманов) // Там же. 1923. № 3. С. 534.
22. По народным судам. Кусочки быта // Известия ВЦИК. 1923. № 272. С. 6.
23. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 6. Оп. 1. Д. 460. Л. 6.
24. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-226. Оп. 1. Д. 437. Л. 91.
25. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-374. Оп. 21. Д. 76. Л. 143.

Информация об авторе

Ю.А. Микуленок – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин, Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия, Краснодар, Россия.

Information about the author

Yu.A. Mikulenok – PhD in History, Senior Lecturer, Department of General Education Disciplines, North Caucasus branch of Russian State University of Justice, Krasnodar, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 12.04.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 28.04.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 13.05.2021.